

Г. А. Кошеленко

АРИСТОТЕЛЬ И АЛЕКСАНДР

(К ВОПРОСУ О ПОДЛИННОСТИ «ПИСЬМА АРИСТОТЕЛЯ К АЛЕКСАНДРУ»
О ПОЛИТИКЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГОРОДАМ)

КАЖДОЕ из сохранившихся произведений Аристотеля имеет величайшую ценность для науки, но, к сожалению, современный исследователь имеет в своем распоряжении сравнительно небольшую часть того, что было написано Стагиритом. Гибель ряда важнейших сочинений Аристотеля затрудняет изучение эволюции взглядов философа, а эта проблема в настоящее время привлекает особенно пристальное внимание. Не случайно в последние годы так много усилий тратится на то, чтобы по сохранившимся фрагментам, цитатам, полемике более поздних авторов восстановить хотя бы в самых общих чертах содержание не сохранившихся сочинений¹. Естественно, что тем больший интерес должна привлечь работа, в которой издается довольно значительное по объему, необычное по теме и крайне важное с точки зрения эволюции общественно-политических взглядов Аристотеля, произведение, которое издатели считают подлинным сочинением великого философа. Речь идет об арабском тексте (и французском переводе) «Письма Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам»².

«Письмо» известно с 1860 г., когда сообщение об открытии итальянским арабистом П. Армеллини арабской рукописи этого сочинения в библиотеке Ватикана появилось в печати³. Однако издание новооткрытого памятника было осуществлено только 30 лет спустя Ю. Линпертом (с помощью специалиста по греко-арабской литературе А. Мюллера)⁴. Ю. Линперт

¹ См., например, Aristotle, De la richesse, De la prière, De la noblesse, Du plaisir de l'éducation. Fragments et témoignages édites, traduits et commentés sous la direction et avec une préface de P.-M. Schuhl, P., 1968; P. Moraux, A la recherche d'Aristote perdu. Le dialogue «Sur la Justice», Louvain — Paris, 1957. Необходимо также отметить очень интересные результаты, полученные А. И. Доватуром при восстановлении «Лакедемонской политики» (см. А. И. Доватур, Политика и политик Аристотеля, М. — Л., 1965, стр. 213 сл.). О современном состоянии вопроса относительно восстановления содержания «Ἀλεξάνδρου ἢ περὶ πόλεων» см. Г. А. Кошеленко, Восстание греков в Бактрии и Согдиане и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э., ВДИ, 1972, № 4, стр. 72 сл.

² Lettre d'Aristote à Alexandre sur la politique envers les cités. Texte arabe établi et traduit par J. Bielawski, commentaire de M. Plezia, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970.

³ В форме письма д-ра Дресслера профессору Визелеру («Philologus», XVI (1860), стр. 353 сл.).

⁴ J. Linpert, De epistula pseudoaristotelica περὶ βασιλείας commentatio, Halis Saxonum — Berolini, 1891 (арабский текст, латинский перевод, небольшой комментарий).

установил, что хотя Ватиканская рукопись относится к XVI в., само «Письмо» неоднократно упоминается в арабской литературе, начиная по крайней мере с X в. Издатель пришел к выводу, что «Письмо», безусловно, не оригинальное арабское произведение, а перевод с греческого, но Аристотелю оно принадлежать не может и является риторическим упражнением вероятнее всего II в. н. э. Эти выводы были полностью приняты Штейншнайдером в его рецензии⁵. Однако другие исследователи — Х. Ниссен⁶ и Е. Придик⁷ — высказались за подлинность «Письма».

Наиболее полное исследование «Письма» было предпринято в те же годы Б. Кайлем⁸. Подчеркивая сходство между «Письмом» и рядом мест в подлинных сочинениях Аристотеля (особенно в «Никомаховой этике» и «Политике»), он в то же время утверждал, что сама тема банальна, идеи, изложенные в произведении, — реминисценции широко распространенных в античной общественно-политической литературе, начиная с Исократы, представлений. Общий вывод Кайля — «Письмо» не может быть подлинным, а принадлежит более позднему времени и представляет собой рядовое риторическое упражнение поздней античности — был полностью поддержан и Зуземилем в его рецензии на работу Ю. Липперта⁹.

После этого довольно оживленного обсуждения проблемы, последовавшего непосредственно за первым изданием сочинения, никаких работ, посвященных «Письму», долго не появлялось. (И. Белявский и М. Плеция отмечают только издание текста «Письма» на арабском языке, выполненного Л. Шейко на базе издания Ю. Липперта.)

Интерес к этому произведению возродился много позднее. В 1961 г. М. Плеция в работе, посвященной письмам Аристотеля¹⁰, воспроизвел перевод Ю. Липперта и снабдил его комментарием. В частности, он отметил, что ряд мест из «Письма» цитируется в средневековой латинской компиляции «Liber philosophorum moralium antiquorum» (XIII в.), которая в большей части представляет собой перевод древнего испанского текста, известного под названием «Vocados de oro», в свою очередь переведенного с арабского. В это же время появилась статья Абд ар-Рахмана Бадави¹¹, в которой сообщалось, что в Стамбуле есть несколько более древних и более полных рукописей «Письма»¹².

Тем самым создались предпосылки для нового издания памятника, которое и было подготовлено ориенталистом И. Белявским и антиковедом М. Плецией¹³. Выполненное на очень высоком уровне (оно включает

⁵ «Deutsche Literaturzeitung», XII, 1891, стр. 1912.

⁶ H. N i s s e n, Die Staatsschriften des Aristoteles, «Rheinisches Museum», XLVII (1892), стр. 177—181.

⁷ E. P r i d i k, De Alexandri Magni Epistularum commercio, Dorpat, 1893, стр. 139—151. Е. Придик считал, что «Письмо» может быть датировано 328/7 г. до н. э.

⁸ B. K e i l, Die Solonische Verfassung in Aristoteles' Verfassungsgeschichte Athens, B., 1892, стр. 128—142.

⁹ «Bursians Jahresberichte», LXXV (1893), стр. 111—113.

¹⁰ M. P l e z i a, Aristotelis epistularum fragmenta cum testamento, Varsoviae, 1961.

¹¹ «Revue de l'Institut des Manuscrits Arabes», V, 1, 1951, стр. 63—65.

¹² Этим рукописям были посвящены две работы М. Гриньяши: M. G r i g n a s c h i, Le roman épistolaire classique conservé dans la version arabe de Salim Abū-l-'Alā', «Le Muséon» LXXX, № 1—2, Louvain, 1967; он же; Les «Rasā'il 'Aristatilis 'Ila-l-Iskandar» de Salim Abū-l-'Alā' et l'activité culturelle à l'époque omayyade, «Bulletin d'Etudes Orientales», XIX (années 1965—66), Damas, 1967. Гриньяши рассматривал это «Письмо» в общем контексте арабской версии эпистолярного романа, посвященного Александру. Отвергая подлинность «Письма», он вместе с тем отмечает, что для сочинения такого письма эпистолограф должен был использовать подлинное письмо Аристотеля, и особо подчеркивает реальность программы, изложенной в данном произведении.

¹³ См. прим. 2. Некоторые предварительные сообщения о работе польских исследователей появлялись в печати и ранее — J. B i e l a w s k i, Lettre d'Aristote à Ale-

в себя «Введение», арабский текст, французский перевод и комментарий) это издание создает базу для повторной постановки вопроса о подлинности «Письма»¹⁴. Не высказывая пока своего мнения по этой проблеме¹⁵, мы считаем необходимым изложить основные выводы, к которым приходят издатели.

Во «Введении», кроме подробно изложенной нами истории изучения «Письма», содержатся еще следующие разделы: «Свидетельства древних относительно писем Аристотеля Александру» и «Письма Аристотеля Александру в арабской традиции». Издатели полагают, что в отличие от писем, которые сохранились в античной традиции, приписывавшей их Аристотелю, и которые представляют собой поздние подделки, данное письмо, судя по некоторым упоминаниям, было известно в античной литературе с III в. до н. э. (Эратосфен), позднее некоторые места из него цитировались Плутархом и, наконец, Фемистием (IV в. н. э.). Этот вывод базируется на том месте «Письма» (4, 8), где говорится, что правитель не должен обращаться со своими подданными как с имуществом или толпой (стадом), но должен считать их своими родственниками и друзьями. Издатели сближают это место с упомянутыми цитатами из произведений Аристотеля у Плутарха¹⁶,

xandre le Grand en version arabe, «Rocznik Orientalistyczny», XXVIII (1964), №1 стр. 7—28; №2, стр. 7—12; M. Plezia, List Aristoteles do Alexandra W. w wersji arabskiej, «Meander», XVI (1961), стр. 429—442; XIX (1964), стр. 392—404; он же, Die Geburtsurkunde des Hellenismus, «Eos», 58, 1969/1970, стр. 51—62.

¹⁴ Впрочем, дискуссия фактически началась даже до выхода в свет нового издания «Письма». А. Момильяно, зная только статью М. Пленни в «Eos», 58, кажется, не возражал против мнения о подлинности памятника (A. Momigliano, Introduzione all'ellenismo, «Rivista storica italiana», 82 (1970), стр. 786, прим. 8). Незадолго до публикации И. Белявского и М. Пленни появилась работа С. Штерна, где воспроизводится только текст 9-й главы «Письма», которая в рукописи, использованной Ю. Липпертом, особенно сильно сокращена и в которую новые рукописи вносят особенно много нового и интересного (см. S. M. Stern, Aristotle on the World-state, Oxf., 1970). Работа нам, к сожалению, осталась неизвестной. Мы знаем о ее содержании по отзыву М. Лайонса в BSAOS, 34, 2, 1971, стр. 404—406 и по рецензии К. фон Фритца как на данную книгу, так и книгу И. Белявского и М. Пленни в «Gnomon», 44, (1972), Ht 5, стр. 442—450. В связи с этим отметим, что С. Штерн в общем склоняется к мнению о подлинности «Письма», а К. фон Фритц считает, что оно не может быть аутентичным, хотя в нем, и на его взгляд, есть части, безусловно, подлинные. Когда данная статья уже была подготовлена к печати, мы смогли ознакомиться с работой М. А. Ве (M. A. Weis, Quelques remarques a propos d'une «Lettre d'Aristote a Alexandre», «Mnemosyne», XXV, 1972, № 3, стр. 261—295), автор которой приходит к выводу, что обсуждаемое произведение — создание школы перипатетиков римского времени. Ряд наблюдений его представляется заслуживающим внимания, хотя конечный вывод Ве не кажется нам убедительным (см. ниже).

¹⁵ Воспользуемся только случаем отметить, что некоторые из прежних аргументов против подлинности «Письма» потеряли силу в результате работы Штерна. В частности, в арабском тексте были названия и имена, которые Гриньяни считал явным анахронизмом — особенно это касается «народа франков» и «Аттала». Однако Штерн показал, что в арабском тексте имеется ошибка и в оригинале упоминались фригийцы, а следовательно, речь идет об известном из Геродота переселении фригийцев из Македонии в Малую Азию. Упоминаемый же в этом контексте Аттал совсем не обязательно должен быть Атталом I Пергамским. Это имя было очень широко распространено в Македонии, и вполне возможно, что руководитель переселения носил это имя, и Аристотель знал этот факт. С известными оговорками с таким объяснением соглашается и К. фон Фритц в указанной рецензии (стр. 446—447). О других, менее важных уточнениях арабских терминов см. там же.

¹⁶ Plut., De fort. Alex, I, 6, 329 B. В современной науке установилось мнение, что Плутарх очень хорошо знал работы Аристотеля (G. Verbeke, Plutarch and the Development of Aristotle, «Aristotle and Plato in the Mid-fourth Century. Papers of the Symposium Aristotelicum Held at Oxford in August 1957», ed. by J. Düring and G. E. L. Owen, Göteborg, 1960, стр. 236), что может служить дополнительным аргументом в пользу подлинности этой цитаты из Аристотеля.

Эратосфена¹⁷ и Фемистия¹⁸. В связи с этим необходимо отметить (подробнее см. ниже), что существуют определенные различия между идеями, выраженными в «Письме», и мыслями, которые цитируются Эратосфеном и Плутархом. Прежде всего в двух последних случаях надлежащий образ действий царя определяется посредством антитезы, которая позволяет думать, что эти мысли происходят скорее всего из произведения Ἀλέξανδρος ἡ περὶ ἀποικίῳ¹⁹. Во всяком случае гораздо больше вероятности, что и Эратосфен, и Плутарх цитируют «Александра», а не это «Письмо». Но тем самым снимается весь вопрос об отражении «Письма» в античной традиции²⁰.

Во втором разделе издатели, разбирая данные, содержащиеся в арабской исторической и философской традиции, высказывают предположение, что интересующее нас произведение было переведено на арабский язык, по всей вероятности, в течение VIII в. Не отрицая в принципе этого вывода И. Белявского и М. Плеции (он достаточно серьезно аргументирован), мы полагаем, однако, что нельзя полностью отвергать и возможность того, что «Письмо» было переведено несколько позже²¹.

В отличие от издания Ю. Липперта, новая публикация основана не на одной рукописи²², а не нескольких (помимо Ватиканской использованы и Стамбульские), содержащих как «Письмо» целиком, так и отдельные отрывки из него. Это особенно важно, поскольку, как выяснилось, Ватиканская рукопись имела ряд сокращений, по сравнению с ныне известными.

Главное место в работе занимает обширный «Комментарий» (написанный М. Плецией), распадающийся на две части: построчные примечания и выводы. Не касаясь сейчас первой части, остановимся кратко на второй.

¹⁷ E r a t o s p h. ap. Strab. I, 4, 9. Имя Аристотеля здесь не упоминается, но говорится безлично о «неких людях». Однако сходство цитируемых мыслей с теми, которые мы встречали у Плутарха, убеждает в том, что и Эратосфен имел в виду Аристотеля. Предположение Хайтца (E. H e i t z, Die Verlorenen Schriften des Aristoteles, Lpz., 1865, стр. 206), о том, что эти отрывки из произведений Аристотеля, упомянутые Плутархом и Эратосфеном, принадлежат другой работе Стagirита — «Περὶ βασιλείας» — отвергается современной наукой (см. W. J a e g e r, Aristotle. Fundamentals of the History of his Development., Oxf., 1948, стр. 259).

¹⁸ T h e m i s t i u s, Or. VIII, 107 с—d. Нам, однако, кажется, что это свидетельство Фемистия привлекается несколько искусственно и не может быть использовано для решения интересующего нас вопроса.

¹⁹ P. M o r a u x, Les listes anciennes des ouvrages d'Aristote, Louvain, 1951, стр. 344; M. P o h l e n z, Staatsgedanken und Staatslehre der Griechen, Lpz, 1923, стр. 128; U. W i l c k e n, Alexander der Grosse, Lpz, 1931, стр. 218; R. W e i l, Aristote et l'histoire. Essai sur la «Politique», P., 1960, стр. 157; К о ш е л е н к о, Восстание греков..., стр. 72. Мы согласны с выводом М. А. Ве относительно того, что «Письмо» не может быть отождествлено с «Александром...» (см. W e s, ук. соч., стр. 272).

²⁰ Необходимо еще отметить одно обстоятельство. Псевдо-Деметрий Фалерский (De elocut., 233) цитирует (со своими пояснениями) одно письмо Аристотеля к Александру: «Аристотель пользуется даже особыми доводами, подходящими для писем. Так, например, желая внушить, что следует благодетельствовать и большим и малым городам в равной мере, он говорит: „Боги одинаковы и в тех и в других и, поскольку Хариты — богини, они будут равно благосклонны к тебе и в тех и в других городах“». Судя по данному месту, в этом письме также обсуждалась проблема греческих городов внутри державы Александра. Однако в рассматриваемом нами «Письме» тема различий между большими и малыми городами совсем не отражена. Конечно, это не может служить бесспорным аргументом против подлинности письма (ибо один сюжет мог обсуждаться в нескольких письмах), однако все же подозрительно, что такая достаточно важная мысль никак не отразилась в «Письме», которое, судя по его содержанию, было программным.

²¹ Относительно переводческой деятельности в этот период см. B. H e m m e r d i n g e r, Les notices et extraits des Bibliothèques grecques de Bagdad par Photius, REG. LXIX (1:56).

²² К тому же Ю. Липперт издал письмо не по самой рукописи, а по копии, снятой для него И. Гвиди.

Она состоит из разделов: «Перевод», «Композиция», «Стиль», «Литературный жанр», «Автор и дата письма (проблема аутентичности)». В разделе «Перевод» М. Плеция приходит к таким выводам: анализ текста подтверждает традицию Ибн ан-Надина относительно того, что «Письмо» было первоначально написано на греческом языке и позднее переведено на арабский. Многие наблюдения подтверждают это (цитата из Пиндара, который практически был неизвестен арабам; упоминания лиц и событий, о которых арабы ничего не знали; слишком большое совпадение ряда мыслей «Письма» с идеями «Политики», которая стала им известна только в позднее время). М. Плеция считает, что, по всей видимости, арабский перевод не исказил сколько-нибудь значительно основной текст, при переводе не было внесено серьезных дополнений, хотя сравнительно незначительные изменения могли иметь место, но судить об этом трудно. Для решения вопроса о точности перевода большую помощь оказывают содержащиеся в «Письме» цитаты из произведений ряда греческих авторов, оригинальный текст которых дошел до нас. Сравнение показывает, что текст не подвергался сколько-нибудь значительным деформациям.

В следующем разделе — «Композиция» — основные выводы польского исследователя могут быть суммированы следующим образом: композиция произведения достаточно свободна, основные идеи выражены в ряде отдельных тем, скомпонованных несколько своеобразно — главные линии развития содержания становятся заметными только при детальном анализе, композиция кажется построенной на основе архаического принципа ассоциативности — одни и те же темы повторяются по несколько раз в более или менее развитом виде. По мнению М. Плеции, все это характерно для личного письма, а не письма как литературного произведения.

В третьем разделе — «Стиль» — автор отмечает, что возможность судить о стиле ограничена самой сущностью перевода, идентичность которого оригиналу относительна: многие нюансы могут быть утеряны при переводе или, наоборот, привнесены переводчиком. Тем не менее можно заметить различия в характере отдельных частей произведения. Некоторые имеют «академический» характер, здесь мысль выражена абстрактно, напоминая в этом отношении теоретические литературные произведения, в других же местах чувствуется эмоциональный накал, эти части написаны живо и образно. Кроме того, в отдельных местах очень отчетливо выражен личный характер «Письма» («я утверждаю», «я хотел бы...» и т. д.), что очень хорошо согласуется именно с формой личного письма. Такие обороты и встречаются в дошедших произведениях Аристотеля, но это не может, по мнению М. Плеции, служить аргументом против подлинности, поскольку в античной традиции²³ письма Аристотеля противопоставляются (в отношении стиля) его систематическим произведениям и сравниваются с седьмым письмом Платона. С другой стороны, в ряде мест, по мнению М. Плеции, чувствуется значительная стилистическая близость к трудам Аристотеля.

В разделе «Литературный жанр» по существу продолжается обсуждение того же вопроса. Опираясь на свидетельство Псевдо-Деметрия Фалерского, М. Плеция подчеркивает, что письма Аристотеля, как и VII письмо Платона, скорее напоминают обычные литературные произведения, чем собственно письма (как по объему, так и по важности проблем, поднимаемых в них). С другой стороны, М. Плеция отмечает, что исследуемое произведение имеет черты и собственно письма, будучи адре-

²³ М. Плеция имеет в виду произведение «Περὶ ἑρμηνείας» (De elocutione), приписывавшееся в древности Деметрию Фалерскому (§ 234). См. Т. А. Миллер, «Античные теории эпистолярного стиля», в сб. «Античная эпистография. Очерки», М., 1967, стр. 6 сл.

сованным определенному лицу и написанным в определенной исторической ситуации. В общем автор считает, что последнее обстоятельство наиболее важно, ибо оно хорошо входит как в исторический контекст (написано в определенный исторический момент с целью повлиять на определенного исторического деятеля), так и хорошо связывается с существующей в это время практикой, напоминая пятую речь Исократ, уже упомянутое письмо Платона или письмо Спевсиппа Филиппу II.

Окончательный итог подводится в последнем разделе — «Автор и дата письма (проблема аутентичности)». Отмечая, что античная литература полна различных фальшивок, выполненных в виде писем, М. Плеция тем не менее считает, что данное «Письмо» можно отнести к подлинным. Доказательства этого распределяются по нескольким категориям.

Перечислим в первую очередь доказательства исторические. Некоторые места сочинения (в частности, 1, 2) позволяют утверждать, что «Письмо» было написано после битвы при Арбелах (1 октября 331 г. до н. э.) и после оккупации Персиды (зима 331 — весна 330 г.), но до того как новость об убийстве Флоты и Пармениона стала известна в Греции (осень 330 г.). В силу этого можно полагать, что единственно возможная дата произведения — лето или начало осени 330 г. Эта дата согласуется и с содержанием «Письма», так как идеи о колонизации Востока начали осуществляться только после битвы при Арбелах. Дополнительное подтверждение, считает М. Плеция, заключается в том, что автор «Письма» видит в Ливии наиболее подходящую страну для целей колонизации. Кроме того, из контекста «Письма», кажется, можно заключить, что автору его уже известен факт роспуска греческих союзных войск (весна 330 г. до н. э.), что означало конец общей войны царя Македонии и Коринфской лиги против Персии. Такая точная датировка произведения, с точки зрения издателя, исключает возможность подделки, ибо невозможно, чтобы автор более позднего поддельного сочинения так точно смог передать историческую обстановку и в тексте не содержалось никаких намеков на последующие исторические события, уже известные этому автору.

В какой мере справедливы эти выводы? Попробуем рассмотреть их, руководствуясь именно теми принципами, которые М. Плеция сам кладет в основу исследования. Не касаясь неясных намеков на некоторые события, рассмотрим единственное определенное хронологическое указание в тексте. Как упоминалось, в 1, 2 «Письма» говорится о том, что стало известно уже о победе Александра в битве, происшедшей в Вавилонии (т. е. в сражении при Арбелах), разгроме Дария и, как следствие этого, Александр должен обратить теперь свою энергию к иным целям — заняться проблемами, связанными с греческими городами, т. е. в первую очередь созданием для них законов и во вторую — основанием новых городов. Не касаясь нижней хронологической границы, предложенной М. Плецией (убийства Флоты и Пармениона), рассмотрим только эту верхнюю, связанную с битвой при Арбелах. С первого взгляда выводы автора кажутся действительно убедительными, ибо эта битва знаменовала окончательное крушение Ахеменидского государства, будучи последним и решающим сражением, данным Дарием III македонскому царю²⁴. Именно так и трактуется это событие в античной традиции. У Арриана (Anab. III, 9, 6) Александр Македонский говорит перед сражением, обращаясь к войскам, что они будут сражаться «за всю Азию, будет решаться, кто должен ею править». У Курция Руфа (IV, 14, 7) в этой речи Александр говорит солдатам, что они должны будут проложить себе путь на родину, т. е. также прямо намекает на близкий

²⁴ Дальнейшие военные действия — это уже качественно новое явление, не связанное с уже решенными судьбами Персидской державы, явление, определяющей чертой которого было сопротивление различных народов Востока новому завоеванию.

конец войны и решающий характер битвы. Та же самая идея вложена Курцием Руфом и в уста Дария: «Сегодняшний день или восстановит царство... или положит ему предел» (IV, 14, 9). У Диодора (XVII, 56, 3) Александр также называет эту битву решающей: «В один день решится все...». Плутарх также называет это сражение решающим, положившим конец владению персов (Alex. 34). Но при всей убедительности этих параллелей нельзя забывать об одном — только при ретроспективном взгляде на события стало ясно, что это была решительная битва, в результате которой погибла держава Ахеменидов. Только историк последующего времени, уже знавший о результатах исторических событий, мог так охарактеризовать это сражение. Но в самый разгар событий восприятие их современниками было совершенно иным. И после битвы при Арбелах и даже после захвата Персиды Дарий не думал складывать оружие, а надеялся продолжить борьбу, так что для непосредственных участников борьбы ничто еще не было окончательно решено в момент победы при Арбелах. Об этом достаточно отчетливо свидетельствуют источники. У Курция Руфа прямо отмечается стремление Дария продолжать борьбу (V, 7, 2; V, 8, 2), то же самое мы видим и у Арриана (Anab. III, 19, 3), Плутарха (Alex. 42), Диодора (XVII, 64, 1; 64, 5; 73, 2). Можно сделать вывод — до смерти Дария (лето 330 г.) у современников отнюдь не могло сложиться впечатление, что война уже окончена. В самой македонской армии только после смерти Дария распространяется мнение о конце войны и необходимости вернуться на родину, которое Александру приходится преодолевать (Diod., XVII, 74, 3; Curt. Ruf., VI, 2, 15). Таким образом, только летом 330 г. после гибели Дария стал для современников ясен результат прошлого сражения при Арбелах как последней и решающей битвы, приведшей к крушению государства Ахеменидов²⁵.

Но в таком случае совершенно несомненно, что «Письмо» написано человеком, который уже обладал этим «ретроспективным» взглядом на события, прекрасно знал не только о самой битве, но и о последующих событиях, человеком, для которого были ясны причины и следствия событий, ясны связи между ними, одним словом, «Письмо» написано позднее, чем это кажется М. Плецин.

Еще одним серьезным (с нашей точки зрения) аргументом против предложенной датировки является то место (4, 6) «Письма», в котором говорится о «правильном поведении» руководителей двух государств — Лакедемона и Афин. «В одном имеются хорошие цари и законодатели, а в другом — справедливые руководители народа». Допустить наличие подобной оценки в подлинном произведении Аристотеля кажется невозможным по нескольким соображениям. Во-первых, если верно предположение издателя о том, что «справедливые руководители народа» в оригинале звучало как *δημαγωγοὶ δίκαιοι*, то трудно представить себе, чтобы Стагирит так отозвался о современных ему политических деятелях Афин, поскольку известно, как отрицательно он относился к демагогам. Еще труднее допустить, чтобы подобные слова были написаны в 331—330 гг. — это было бы вопиющей бестактностью по отношению к Александру, ибо в 331 г. в Греции развертывалась антимакедонская борьба, во главе которой стоял царь Спарты

²⁵ К такому же выводу приходит и Э. Н. Борза (см. E. N. Borza, *Fire from Heaven: Alexander at Persepolis*, «Classical Philology», 67 (1972), № 4, стр. 233--245), вновь рассмотревший все события, связанные с пожаром Персепольского дворца. Он считает, что до бегства Дария из Экбатан никто не мог считать битву при Гавгамелах решающей, ибо сам Дарий собирал силы для новых битв и сожжение дворца было одним из мероприятий Александра по подготовке к этой борьбе. Персепольский дворец был религиозно-политическим центром государства Ахеменидов, его своеобразным символом (см. A. U. P o r e, *Persepolis as Ritual City*, «Archaeology», X, 1957) и разрушение его должно было морально ослабить персов.

Агис²⁶, а в Афинах горячо обсуждался вопрос, присоединяться ли к этому движению, причем в числе сторонников вооруженной борьбы против македонской гегемонии были известные политические деятели²⁷.

Эти соображения, конечно, еще не исключают полностью авторства Аристотеля. Но они ставят исследователя перед необходимостью ответить на вопрос, почему в «Письме» не упомянута смерть Дария, ибо только после нее стало окончательно ясно, что Персидская держава погибла и начинается время господства царя Македонии. Ссылка на смерть Дария в обычных условиях была бы в «Письме» более чем естественна, она была просто необходима. Следовательно, приходится заключить, что автор «Письма» (кем бы он ни был) сознательно дезинформирует читателя, стремясь создать впечатление, что его произведение написано раньше, чем это случилось в действительности. И это, конечно, не предрешает ответа на вопрос об авторстве, но определенные сомнения все-таки порождает²⁸.

Следующей группой доказательств подлинности М. Плеция считает доказательства «доктринальные». Издатель подчеркивает, что в «Письме» есть большое число более или менее точных параллелей с идеями, выраженными в различных, безусловно, подлинных произведениях Аристотеля. М. Плеция подчеркивает, что автор «Письма» очень правильно пользуется некоторыми специфическими понятиями Аристотеля, такими, как *τοῦ δικαίου τὸ μέγιστον*, *ἡ κἀπὸ τοῦ δικαιοσύνης, ὁμοιοῖα ἢ φύλαξις* и т. д. Кроме того, ряд идей, высказанных в данном сочинении, может быть верно понят только в том случае, если автор глубоко проник в сущность концепций Аристотеля. Особенно показательно в этом отношении одно место, где без знания взглядов Аристотеля относительно нравов львов и людей с львиными характерами *λεοντόδοτοι* τὸ ἴδιον вообще невозможно понять выраженную в «Письме» мысль. Не подлежит сомнению, с точки зрения М. Плеции, что автор «Письма» прекрасно знает доктринальные идеи Аристотеля, особенно те, которые содержались в «Политике» и «Никомаховой Этике». Это обстоятельство и заставляет его думать, что автором был именно Аристотель, поскольку «Политика» была почти совершенно неизвестна в древности.

Исходя из всего этого комплекса соображений, М. Плеция считает, что, если автором этого сочинения не был Аристотель, то этот человек знал «Политику» Аристотеля лучше, чем кто бы то ни было в древности.

Выводы, изложенные в этом разделе «Заключения», базируются на огромном построчном комментарии «Письма». Мы ниже специально подробно остановимся на этом вопросе, ибо он может быть решающим при определении авторства. Сейчас же необходимо коснуться только одного аспекта доказательств издателя — вопроса о посмертной судьбе произведений Аристотеля и степени знакомства с ними древних.

²⁶ Относительно того, насколько серьезной угрозой было выступление Спарги см. E. Vadian. Agis III, «Hermes», 95, 1967, Ht 1, стр. 170—192.

²⁷ О сочувствии афинян спартанской борьбе см. Diod., XVIII, 8, 6; Just., XIII, 5, 1 и 6; см. также T. T. B. Ryder, *Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece*, L.—N. Y.—Toronto, 1965, стр. 107 сл.

²⁸ М. А. Ре (ук. соч., стр. 276) также приходит к выводу, что хронологические данные, имеющиеся в «Письме», по крайней мере не исключают фальсификацию. Его система аргументов совпадает с нашей только в одном пункте — относительно невероятности умолчания (если мы допустим подлинность «Письма») в данном контексте о смерти Дария. Другим серьезным аргументом, с его точки зрения, является то обстоятельство, что в тексте никак не нашло отражения то новое направление в политике Александра, которое впервые стало отчетливо проявляться после занятия Вавилона — назначение персов на высокие административные посты (например, посты сатрапов Вавилона и Суз). Поскольку эта практика шла вразрез с основными идеями Аристотеля, то последний не мог бы не высказать своего отношения к ней.

В настоящее время можно считать оставленной идущую еще с древности (см. Strab., XIII, 1, 54) традицию о длительном исчезновении из научного обихода ряда рукописей Аристотеля, их случайном открытии и публикации в I в. до н. э. Большое число произведений Стагирита действительно не было опубликовано в древности, но его систематические работы бережно хранились в школе и внимательно изучались — через посредство ученых перипатетической школы идеи, развитые в них, становились достаточно широко известны²⁹.

В таком случае, если допустить, что автором «Письма» был перипатетик, не очень далеко отстоящий по времени от Аристотеля, то все аргументы М. Плеции, основанные на этих соображениях, теряют силу. Не противореча всем известным сейчас фактам, вполне можно утверждать, что «Письмо» могло выйти из-под пера не Аристотеля, а кого-либо из ученых его школы времени вскоре после смерти Аристотеля. Конечно, это еще не доказательство, но только возможность, которая будет иметь серьезное значение лишь при наличии других серьезных аргументов против авторства Стагирита.

В последнем разделе «Заключения» излагаются литературные доказательства подлинности «Письма». М. Плеция напоминает о том, что в школе перипатетиков твердо сохранялась традиция, согласно которой жизнь Александра четко делилась на два периода. Первый из них оценивался (исходя из принципов этики) положительно, а второй — отрицательно. Грань между этими двумя периодами приходилась, согласно воззрениям школы, на время смерти Дария, т. е. 330 г. до н. э. В связи с этим М. Плеция обращает особое внимание на то, что автор «Письма», многократно подчеркивая положительные душевные качества Александра Македонского, несколько раз предупреждает его о возможных изменениях в его характере, изменениях в худшую сторону, возможность которых заложена в душевной природе героя. Это тем более важно, что «Письмо» приходится на этот критический (с точки зрения перипатетиков) период жизни Александра (т. е. 330 г.). Но, с другой стороны, крайне показательно, что автор «Письма» (который не может быть никем иным, как перипатетиком) не использует для поддержки своего тезиса событий, на какие обычно ссылаются перипатетики: убийство Филоты, Пармениона и особенно Каллисфена. Трудно допустить, чтобы перипатетик в подобного рода обстоятельствах прошел мимо, например, гибели Каллисфена, чья смерть в глазах греческой интеллектуальной элиты была самым большим пятном на славе македонского царя.

Все это позволяет М. Плеции сделать конечный вывод: образ Александра, который предстает перед нами в «Письме», в принципе отвечает исторической ситуации 330 г. Хотя Александр в целом обрисован положительно, все же имеются определенные указания на недостатки. Тон письма, лишенный риторики, в то же время полон уважения без подобострастия. Все это заставляет всерьез думать об авторстве Аристотеля.

Выше мы уже отмечали, что исследование датировки «Письма» наос-

²⁹ K. von Fritz, *Aristotle's Contribution on the Practice and Theory of History*, Berkeley — Los Angeles, 1958, стр. 114; кроме того, необходимо учитывать, что в раннеэллинистическое время многие произведения Стагирита (и его ближайших учеников) были широко известны. Например, Деметрий Фалерский советовал Птолемею читать произведения такого типа, как «Περὶ βασιλείας» Аристотеля и сочинение Феофраста того же названия (Stob., IV, 7, 27). Они также могли быть передатчиками традиции. О возможной критике этого произведения Аристотеля в сочинении Эпикура под тем же названием (что, естественно, подразумевает достаточно хорошее знание идей Стагирита) см. M o r a u x, *Les listes...*, стр. 38 и 341; ср. W e s, *ук. соч.*, стр. 288.

новании внутренних указаний приводит к иным, нежели у издателя, выводам о времени его написания. Ясно, что этот вывод частично подрывает систему доказательств и в этом разделе. Однако гораздо важнее другое. Хотя в подлинных произведениях Аристотеля Александр практически не упоминается³⁰ и поэтому нет возможности сравнить тот образ, который мы находим в «Письме», с образом Александра в бесспорных аристотелевских сочинениях, все же имеются определенные основания для того, чтобы высказать некоторые соображения по этому поводу. Они основываются, как и в предыдущем случае, именно на подозрительности слишком тесной связи и согласованности содержания «Письма» с последующей традицией.

Как хорошо ни знал Аристотель натуру своего царственного ученика, очень трудно допустить, чтобы, находясь столь далеко от места событий, он смог бы так точно знать нюансы поведения его, предугадывать дальнейшие поступки и соответственно предостерегать от них³¹. Все это, скорее, заставляет думать, что «Письмо» сочинено уже *post factum*, при ретроспективном взгляде, когда уже стали ясны взаимосвязи причин и следствий и хронологические сцепления между ними. Это тем более вероятно, что истоки перипатетической традиции нужно, по всей видимости, искать в сочинении Феофраста «Каллисфен, или о печали», поскольку для перипатетиков основным преступлением Александра было именно убийство Каллисфена. Наконец, необходимо отметить, что при том подходе, к которому тяготеет М. Плеция, такие события, как убийство Филоты и Пармениона, гибель Каллисфена, выглядят результатом только психической организации и психической эволюции Александра Македонского. Между тем, исследованиями выяснено, что эти события — результат столкновения социальных сил: в одном случае борьбы внутри македонской знати³², в другом — столкновения греков и македонян³³. Личные идеи и замыслы Александра

³⁰ За исключением одного места в «Политике». См. А. И. Доватур, «Средний» государственный строй в «Политике» Аристотеля и историческая действительность (Pol., IV, 11, 1296 a, 38—40. Опыт интерпретации), в сб. «Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности», М., 1967. Противоположное мнение см. G. E. R. Lloyd, Aristotle: the Growth and Structure of his Thought, Camb., 1968, стр. 216. По мнению Ллойда, Аристотель здесь скорее упоминал Филиппа, чем Александра, и вообще имел в виду скорее всего какой-то неопределенный исторический персонаж, однако анализ, проведенный А. И. Доватуром, не оставляет сомнения в том, что Аристотель в данном месте говорит именно об Александре.

³¹ М. А. Ве (вк. соч., стр. 286—288) отмечает ту странность в духе «Письма», которая создается постоянными предупреждениями Александру, чтобы он не поступал недостойно по отношению к людям, которые хотят соревноваться с ним в доблести, не прислушивался к советам доносчиков и т. п. М. А. Ве считает, что тем самым в этом произведении отражается конфликт между Александром и его ближайшим окружением, но нарочито облеченный в форму предупреждений, что явно говорит о позднейшей фальсификации. В связи с этим М. А. Ве подробно останавливается на вопросе о том, кто именно подразумевается в «Письме», когда в нем говорится о доносчике, который был своего рода «злым гением» македонского царя. М. Плеция полагает, что этим человеком мог быть только Агасарх. М. А. Ве, осмотрев подробно данные источников, приходит к выводу, что, если «Письмо» подлинное, то Агасарх не может претендовать на эту роль, если же оно — фальшивка, то не исключено, что создатель ее, зная о конфликте между Каллисфеном и Агасархом, сознательно изобразил последнего в виде «злого гения» Александра и хотя прямо не назвал его, но настолько ясно обрисовал его взгляды, что у каждого читателя, знакомого с историей, не оставалось сомнений в том, кто именно виноват в изменении характера Александра.

³² К. К. Зельин, А вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330—328 гг. до н. э. (Заговор Филоты), в кн. «Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сб. памяти академика А. И. Тисменева», М.—Л., 1963, стр. 255 сл.

³³ К. Шеленко, Восстание греков..., стр. 76.

имели, конечно, большое значение для хода событий, но объективная действительность часто ломала или видоизменяла его планы ³¹.

Таким образом, можно видеть, что и рассмотрение этого круга вопросов заставляет отнестись с большим подозрением к авторству Аристотеля. Вместе с тем нельзя не признать, что если рассматривать данные места и «Письма» с точки зрения психологической теории Аристотеля ³⁵, то соответствие — достаточно полное.

Рассмотрев ряд аргументов в пользу достоверности традиции о принадлежности этого сочинения Аристотелю, мы были вынуждены высказать ряд сомнений в справедливости этого вывода. Однако при этом не было еще затронуто основное содержание памятника. Главными доводами для доказательства аутентичности «Письма» М. Плеции служат сопоставления идей, содержащихся в нем, с идеями, изложенными в бесспорно подлинных произведениях Стагирита, главным образом в «Никомаховой Этике» и «Политике». Безусловно, такой метод в данном конкретном случае единственный, позволяющий подойти к решению проблемы, ибо ряд иных методов, разработанных и успешно применяемых, здесь неприменим. Специфика перевода позволяет использовать по-настоящему только метод изучения содержания.

М. Плеция выполнил огромную работу, создав обширный и глубоко фундированный «Комментарий», в котором он строка за строкой анализировал содержание «Письма», сопоставляя каждую из мыслей, выраженных в нем, с соответствующими по идеям местами Аристотеля и других близких ему по времени древнегреческих авторов. Эта выполненная на очень высоком уровне работа во многом облегчает работу последующих исследователей. Создан серьезный аппарат с почти исчерпывающей полнотой сопоставлений. Признавая полную правомерность подобного подхода, мы вместе с тем должны отметить, что возможен, а при рассмотрении вопроса об аутентичности, видимо, и предпочтителен другой подход — системное сопоставление, сопоставление *системы взглядов* ³⁶, выраженных в «Письме», и системы взглядов Аристотеля. Такой подход нам представляется более продуктивным, поскольку при этом сравниваются не только отдельные идеи, отдельные элементы концепции, но и система связей их, что, безусловно, повышает достоверность выводов.

Идея, пронизывающая все «Письмо», к которой автор его обращается многократно, разрабатывая и обосновывая ее всесторонне — необходимость дать законы городам (подразумеваются явно греческие полисы). В связи с этим следует подчеркнуть, что об основании новых городов

³⁴ Для примера можно сослаться на изменение состава македонской армии во второй части похода. Как было показано в одной из недавних работ (А. С. Шофман, Армия и военные преобразования Александра Македонского, ВДИ, 1972, № 1, стр. 171 сл.), перестройка армии македонского царя, изменение ее состава (в первую очередь включение контингентов из местного населения) определялись в первую очередь не субъективными желаниями Александра, а были в значительной мере вынужденным ответом на сложившуюся ситуацию, необходимо порождались изменением характера военных действий.

³⁵ Мы имеем в виду аристотелевское понимание проаресписа — выбора предпочтений. Согласно Аристотелю, направление деятельности человека не полностью детерминировано (например, врожденными задатками, наследственностью). Человек сталкивается с возможностью действовать хорошим или плохим образом и в этот момент в выборе пути действия он в значительной мере свободен. Но предпочтение того или иного образа действия сказывается в дальнейшем. Так, если выбирается путь добра, то при следующей аналогичной ситуации будет легче выбрать добрый образ действий, чем дурной, и наоборот. См. von Fritz, Aristotle's Contribution..., стр. 129—130.

³⁶ В связи с этим необходимо отметить, что исследование Штерна (см. L y o n s, ук. соч.,) не представляется удачным, ибо он рассматривает отдельные места практически безо всякой связи с общим контекстом. Безусловно, подобный методический подход не может привести к сколько-нибудь убедительным результатам.

говорится лишь в одном месте и по существу вскользь, а идея предоставления законов уже существующим городам — главная в «Письме». Автор подчеркивается значение этой задачи, говорится, что законодатели приобрели в веках великую славу (особенно Ликург). Однако законодатель прошлого обычно давал законы только одному городу. Насколько же превзойдет их славой Александр, который дает законы столь многим городам. В развитие этой идеи автор далее развертывает концепцию значения законодательства и деятельности законодателя. Законодательство — источник благосостояния для народа, длительной законности и спокойствия. Правильное законодательство — это та основа, которая обеспечивает нормальное функционирование города, само его существование. Особый аспект проблемы представляет подчеркиваемый автором тезис о том, что законы особенно необходимы в период мира и спокойствия (который, по мнению его, уже наступил в царстве Александра), ибо «жить свободно среди изобилия благ труднее, чем выносить бедствия»³⁷. Этот тезис подкрепляется обширным арсеналом доказательств, среди которых особое место занимают исторические примеры из истории Греции и Азии, указывающие на превратности исторических судеб государств и противоположающие судьбу тех, кто добивался господства в тяжких трудах и опасностях, и тех, кому счастье выпало внезапно. Основной итог всего рассуждения: в периоды мира и спокойствия больше возможностей для проявления дурных сторон человеческой природы и именно поэтому в такие периоды существует особая нужда в законах.

Но особо подчеркивает автор «Письма» необходимость того, чтобы законы не только существовали, но и применялись. Им обосновывается концепция правителя, который должен выступать в роли силы, заставляющей закон функционировать. Мысли о роли и месте правителя развиты особенно подробно и всесторонне, логические связи от них идут в самые различные области рассуждений автора, что делает этот тезис одним из важнейших, если не самым важным во всей концепции «Письма».

Очень подробно обосновывается идея о необходимости власти правителя для того, чтобы функционировал закон. Власть его должна проявляться двояким образом в силу наличия двух категорий людей (граждан полисов). В отношении «лучших» власть правителя должна выступать скорее как моральная сила. Сам правитель в силу своей наиболее совершенной природы необходимо должен служить примером для подражания людям этой категории и объединять их вокруг себя. Они должны составлять его опору. В отношении же «худших» власть правителя должна проявляться не столько своей моральной, сколько материальной стороной. Правителю необходимо иметь средства, чтобы заставить людей этого типа подчиняться законам. Далее этот тезис о власти правителя над подданными развивается в еще одном, более общем аспекте. Автор «Письма» пишет о том, каков должен быть вообще характер власти правителя над подданными. Правитель не должен обращаться с подданными как с имуществом или со стадом, но должен их рассматривать как родственников и друзей. И вскользь бросается замечание — правитель не должен требовать почета, который народ давал бы против воли. Затем эта идея рассматривается еще под одним углом зрения: власть над свободными более достойна, чем власть над рабами. В связи с этим говорится о противоположности власти царя (выступающего в отношении подданных в качестве отца) и тирана (играющего роль господина и деспота). Наконец, та же самая мысль развивается еще в одном направлении: правитель должен обращаться с под-

³⁷ В связи с этим отмечаются различия в методах при решении двух задач: 1) приобретение чего-либо, 2) правильное употребление уже приобретенного.

данными в соответствии с принципом справедливости. Поэтому автор критикует взгляды, согласно которым справедливость имеет своим источником личность правителя. Сам принцип справедливости ставится в тесную связь с наличием двух категорий людей и необходимостью обращаться с ними различным образом, в чем и будет находить свое выражение справедливость.

Осуществление принципа справедливости составит основу правильной политики правителя по отношению к городам. Города, управляемые правильно (в соответствии со справедливостью), достигнут процветания. Из этого делается чрезвычайно важный вывод: именно такие города (правильно управляемые и процветающие) составят основу универсального государства. В этом государстве в соответствии с волей единого правителя исчезнут войны, что будет величайшим счастьем. Скажется это и на внутренней жизни городов — жители смогут разумно тратить свое время, значительную часть его обращая на изучение философии³⁸.

Однако чтобы эти блага были достигнуты, необходим ряд важнейших условий, самое существенное из которых — характер власти. Отметим ранее различные возможные методы обращения правителя со своими подданными, автор «Письма» теперь дает этому теоретическое объяснение. Он говорит о двух возможных видах единоличной верховной власти. Один из них основан на законности и согласии, другой на несогласии и тирании. Особо подчеркиваются отрицательные черты, характерные для власти второго типа, обладатели которой вместо вечной славы стремятся к минутным удовольствиям. Подобная трактовка двух видов власти тесно увязывается с выраженным ранее тезисом о роли правителя, в своей деятельности выражающего принцип справедливости (в связи с чем еще раз подчеркивается мысль о том, что процветание городов зависит от их руководителей). Яркими красками обрисован образ такого правителя: он основывает свою власть на принципах законности и согласия и выступает как человек, в котором воплощаются высшие добродетели (мужество, справедливость, доблесть, могущество). Правитель должен суметь объединить и направить на себя любовь народа и восхищение своими действиями. Только такие правители могут этого достигнуть. Для правителей второго типа (тиранического) в силу самой природы их власти это недостижимо. Их погоня за минутными удовольствиями, угнетение подданных, отсутствие законности вызывают вполне естественные презрение и ненависть подданных, что в свою очередь приводит к неизбежным и вполне справедливым восстаниям против них.

Вслед за этим как следствие идет разбор характера Александра с точки зрения его соответствия тому идеалу правителя, который был обрисован выше. Автор, расточая похвалы Александру, считает, что в его душе заключены все возможности стать идеальным монархом (особо подчеркивается его нелюбовь к доносчикам и лжецам, стремление приобрести уважение людей мужественных и мудрых) и в то же время отмечает, что в его характере есть некоторые наклонности, развитие которых может привести к превращению его в тирана и деспота. Автор «Письма» боится,

³⁸ Это место исследовано Штерном (L y o n s, ук. соч., стр. 405—406), пришедшим к выводу, что такая идея не возможна у Аристотеля. Лайонс оспаривает этот вывод, но его аргументация имеет в своем существе один серьезный порок, с нашей точки зрения, ее обесценивающий: Лайонс, в общем, рассматривает взгляды Аристотеля, как это свойственно многим исследователям, только сквозь призму города-государства. Нам представляется, что Аристотель достаточно отчетливо сознавал герцельный характер своей эпохи и видел в завоевании Александра Македонского исторический рубеж, после которого должна была возникнуть новая система ценностей и поэтому на явления нового порядка смотрел уже с новой точки зрения. Все это связано с проблемой эволюции политических взглядов Стагирита, о которой см. ниже, стр. 37 сл.

что Александр не окажется в состоянии всегда действовать великодушно; он опасается, что если он будет окружен доносчиками и лжецами, это сможет извратить добрые начала его души. а это затем приведет к нарушению принципа справедливости. Кроме того, Александр не должен бояться славы отдельных выдающихся своих подданных и завидовать ей. Справедливый человек никого не боится. Лейтмотив этой части «Письма»: главное зло — это лжецы и доносчики, которые могут заставить замереть добрые стороны души Александра и проявить дурные. Поэтому важнейшая задача Александра — наказывать лжецов и доносчиков.

К этой теоретической концепции добавляются еще и некоторые чисто практические советы Александру, из которых наиболее важны два: 1) избегать войн (что, впрочем, легко согласуется с концепцией в целом) и 2) провести переселение персов или по крайней мере части (разумеется, наиболее влиятельной) с их родины. Эта мера (как отмечается автором, близкая идеям самого Александра) приведет к достижению двух целей: с одной стороны, это будет месть персам за их вторжение в Грецию, а с другой — средство обеспечить безопасность государства ³⁹.

Изложив систему взглядов автора «Письма», мы, естественно, должны будем теперь попытаться сопоставить ее с системой взглядов Аристотеля, что, как нам кажется, представляет возможность наметить решение основного интересующего нас вопроса — об авторстве «Письма». Однако при этом мы неизбежно сталкиваемся с очень сложной проблемой: проблемой внутренней эволюции взглядов Стагирита. Исходя из того, что в случае признания подлинности «Письма» это произведение должно относиться к последним годам жизни философа, мы имеем бы дело с самым последним этапом развития его взглядов, этапом наименее известным и наименее изученным, особенно в отношении его общественно-политической позиции. Это, естественно, требует не упрощенно-механического подхода по принципу: наличествует ли та или иная идея в сохранившихся бесспорных произведениях Аристотеля или нет, а подхода иного — с учетом возможной эволюции. В силу этого мы считаем возможным сопоставлять не всю концепцию в целом, а по отдельным комплексам вопросов. Некоторые из них вряд ли могли претерпеть большое изменение в ходе эволюции взглядов Аристотеля (например, весь комплекс представлений, связанных с ролью закона в государстве) по сравнению, хотя бы, с «Политикой», другие же, бесспорно, требуют самого пристального внимания с точки зрения возможной эволюции (как, скажем, вопрос о монархии).

Точно так же нет необходимости проводить сплошное сопоставление. В значительной мере эта работа выполнена М. Плещей. Кроме того, это сильно увеличило бы объем статьи. Мы считаем, что возможно провести намеченное сопоставление только по нескольким наиболее важным комплексам идей.

Рассмотрим первый из таких комплексов: относительно роли законов и законодателей в жизни государства. На первый взгляд сходство достаточно большое. В «Политике» также придается очень большое значение деятельности законодателя. Однако необходимо обратить внимание на некоторые несовпадения в трактовке этого вопроса в «Письме» и подлинных произведениях Аристотеля.

Аристотель в завершающем разделе «Никомаховой Этики» развивает мысль о том, что законы — только средство к воспитанию граждан в правильном духе ⁴⁰. Это положение, служащее своеобразным переходом к

³⁹ Этот вопрос подробно рассматривался Штерном (см. L y o n s, ук. соч., стр. 404), который пришел к выводу, что такое предположение вполне в духе идей Аристотеля.

⁴⁰ Подробнее см. I. I e y d, Aristotle..., стр. 246.

«Политике»⁴¹, часто встречается и в последней⁴². Особенно ярко эта идея выражена в пятой книге «Политики» (Arist., Pol. V, 7, 1310 а 12 сл.). Здесь помимо отмеченного выше рассуждения о законе как средстве воспитания граждан, присутствует также другая чрезвычайно важная и тоже очень типичная мысль Аристотеля — о необходимости соответствия законов характеру государственного строя. В том, что эта мысль не случайна, а входит важным элементом в аристотелевскую концепцию государства, убеждает не только тесная логическая связь между «Никомаховой Этикой» и «Политикой», но и то, что эта мысль появляется в нескольких местах «Политики» в разных контекстах (см., например, Pol. III, 6, 1282 б 10).

В «Письме» же все эти проблемы, как мы видели, находят гораздо более прямолинейное и упрощенное решение. Помимо этого основного отличия (в данном круге вопросов) можно отметить несовпадения и более частного характера⁴³.

В «Письме» источником законов, законодательства выступает царь. В подлинных произведениях Аристотеля по этому поводу высказываются иные мнения — для Аристотеля наилучшие законодатели выходят из среды «среднего класса» (Pol. IV, 9, 1296 а 16 сл.). В то же время тезис, развиваемый в «Письме», находит самые тесные параллели в раннеэллинистических правовых концепциях, о которых нам сообщает, например, Аппиан, вложивший в уста Селевка такие знаменательные слова: «Я устанавливаю следующий общий для всех закон: „всегда справедливо то, что постановлено царем“» (App., Syr. 61).

Положительная оценка деятельности Ликурга в «Письме» в общем достаточно хорошо согласуется с тем, что пишет Аристотель в «Политике»⁴⁴. Однако некоторые сомнения вызывает то обстоятельство, что в «Письме» Ликург упоминается как единственный законодатель Спарты в соответствии с существовавшим в античной литературе обыкновением. Этот шаблонный подход не был свойствен Аристотелю. Он считал спартанскую политику не результатом одновременного акта, а рассматривал ее в историческом становлении как процесс, в котором большая роль принадлежала наряду с Ликургом и другим деятелям, в частности Феопомпу (Pol. V, 9, 1313 а 26)⁴⁵.

Таким образом, уже рассмотрение первого комплекса вопросов порождает серьезные сомнения в авторстве Аристотеля. Проведенное сопоставление указывает не только на значительное сходство с системой взглядов Аристотеля, но и на определенные отличия, сводящиеся в сущности к тому, что в «Письме» ряд мыслей Стагирита представлен в упрощенном виде, без нюансов, столь для него характерных⁴⁶, кроме того, в некоторых

⁴¹ О связи этических и политических взглядов Аристотеля см. Доватур, Политика и полиии..., стр. 18; E. Barker, The Political Thought of Plato and Aristotle, N. Y., 1956, стр. 237 сл.; A. Goedeschmeyer, Aristotles praktische Philosophie (Ethik und Politik), Lpz, 1922.

⁴² См., например, Arist., Pol. II, 5, 1263 б 26 сл. (критика проекта Сократа); II, 7, 1266 б 26 сл. (критика проекта Фалеса).

⁴³ Необходимо также отметить, что М. Плесия совсем не откликнулся на один чрезвычайно важный вопрос. Для Аристотеля (см. D. Ross, Aristotle, L.—N. Y., 1956, стр. 255—256) в «Политике» основной вопрос в теме «монархия» стоит таким образом: что выше — закон или царь. В «Политике» ответ на него четок и ясен — закон. В «Письме» же этот вопрос практически снимается благодаря тому, что царь одновременно является и законодателем. Как может быть объяснена эта эволюция — на это у М. Плесия ответа нет.

⁴⁴ Доватур, Политика и полиии..., стр. 222 сл.

⁴⁵ См. там же, стр. 225.

⁴⁶ В связи с этим необходимо также отметить, что М. Плесия в своем комментарии к 1, 4 «Письма» дает параллель из Pol. VII, 2, 1325а 8 — τοῦ δὲ νομοθέτου τοῦ

отношениях взгляды, изложенные в «Письме», приближаются не к собственно аристотелевским, а к тем, которые были достаточно широко распространены в Греции IV в. до н. э.

Следующий круг вопросов, на котором необходимо остановиться — это вопросы, связанные с обрисовкой роли правителя (правитель, как сила, заставляющая функционировать закон; совершенная природа его — пример для «лучших» людей городов и его сила — узда для «худших»; характер власти правителя вообще; противоположность власти царя и тирана). Безусловно, попытки рассмотрения этой проблемы не могут быть сколько-нибудь успешными без учета эволюции политических взглядов Аристотеля.

Проблема эволюции взглядов Аристотеля по-настоящему была поставлена только в начале XX в.⁴⁷ С тех пор «генетический» подход к изучению его философии получил достаточно широкое распространение⁴⁸, ряд выводов, ставших возможными единственно только благодаря применению этого метода, был воспринят даже наиболее ортодоксальными сторонниками «структурного» подхода к изучению философии Стагирита⁴⁹.

В сфере общественно-политических взглядов начало изучения эволюции мысли Аристотеля было положено работами Егера⁵⁰. Исследуя взгляды Аристотеля в целом, он доказывал, что происходил постепенный процесс преодоления им идеализма, унаследованного от Платона, и выработки собственной «реалистической» концепции. Этот основной вывод был применен и к исследованию политической теории Аристотеля. Эволюция его взглядов в этой сфере шла, по Егеру, так: начиналась она совершенно платоновским по духу «Политиком», этапы преодоления платонизма отмечались книгами «О справедливости», «Политика» и завершалась работой «Александр, или о колониях». Кроме того, он попытался выделить различные хронологические слои внутри самой «Политики». Хотя взгляды Егера на историю создания «Политики» в общем были отвергнуты⁵¹, все же саму идею о постепенном развитии политических взглядов Аристотеля отвергнуть невозможно⁵².

σπουδαίον ἐστὶ τὸ θεῖσθαι πόλιν καὶ γένος ἀνθρώπων... ζωῆς ἀγαθῆς πῶς μετέξουσιν καὶ τῆς ἐνδεχόμενης αὐτοῖς εὐδαιμονίας. Однако имеющийся в цитате пропуск очень показателен. Пропущено *καὶ πᾶσαν ἄλλην κοινωνίαν*, т. е. то место, которое придает мысли Аристотеля всеобъемлющий характер, ее применение не только к полису, но и к любому другому виду человеческих сообществ (это хорошо увязывается с предыдущим местом, где говорится о законах и нравах скифов, персов, фракийцев, кельтов, иберов). Таким образом, ясно, что и в данном месте издатель упускает из виду отличие «Письма» от собственно аристотелевских произведений, где близкие мысли высказываются в более теоретическом и более всеобъемлющем плане. К тому же мысль о том, что законы наиболее нужны не в период войны, а во время мира, не свойственна Аристотелю. Она встречается у Исократ (III, 22—25) и Платона (Legg. 803 D), что отмечает и М. Плеция, однако никаких выводов из этого не делает.

⁴⁷ Основные этапы разработки этой проблемы см. D. R o s s, The Development of Aristotle's Thought, «Aristotle and Plato in the Mid-fourth Century. Papers of the Symposium Aristotelicum Held at Oxford in August 1957», ed. by S. Düring and C.L.W. Owen, Göteborg, 1960.

⁴⁸ Об эволюции историко-теоретических взглядов Стагирита, например, см. G. H u x l e y, On Aristotle's Historical Methods, «Greek, Roman and Byzantine Studies», 13 (1972), № 2, стр. 161 сл.

⁴⁹ См., например, A. S t i g e n, The Structure of Aristotle's Thought, Oslo, 1966.

⁵⁰ W. J a e g e r, Aristotle. Fundamentals of the History of his Development, Oxf., 1948 (перевод работы, изданной на немецком языке в 1923 г.).

⁵¹ E. B e r k e r, в предисловии к английскому переводу «Политики»: «The Politics of Aristotle», Oxf., 1946, стр. XLII—XLVI; R o s s, The Development..., стр. 9; S t i g e n, The Structure..., стр. 43 сл.

⁵² M o r a u x, A la recherche..., стр. X.

Дальнейшие исследования показали, что методы изучения должны быть несколько иными — необходимо выделять не слои внутри отдельных работ, а рассматривать каждую из работ как свидетельство об определенном этапе развития мысли Аристотеля. На этом пути есть уже определенные успехи. В частности, можно отметить работу П. Моро, сумевшего на основании анализа сохранившихся фрагментов выявить основной характер такого труда Аристотеля, как «Περὶ δικαιοσύνης». Он смог показать наличие в нем ряда черт, указывающих на его положение в хронологическом ряду политических работ Аристотеля между «Протрептиком», с одной стороны, и «Политикой», с другой⁵³.

Этот весьма схематичный очерк позволяет нам поставить вопрос таким образом: можно ли считать возможными для Аристотеля те взгляды на царскую власть, которые выражены в «Письме»? Для ответа на этот вопрос, во-первых, необходимо представить более детально его воззрения на монархическую власть, как они выражены в «Политике» (хронологически наиболее близком к исследуемому периоду произведению философа), а, во-вторых, попытаться представить (исходя из изложенного выше) и характер эволюции политических взглядов Аристотеля (в частности, его представлений о монархии)⁵⁴, для которых «Политика» была только одним из этапов.

В «Политике» Аристотель уделяет большое внимание монархической форме правления, рассматривая ее главным образом под двумя углами зрения: во-первых, в теоретическом аспекте (с этим связано исследование причин падения и мер к сохранению ее) и во-вторых, исторически.

Для него монархия — одна из «правильных форм» государственного строя (Pol. III, 5, 1279 a 33; III, 9, 1284 b 35). Отличие «правильной» формы от «отклоняющейся» заключается в том, что она ориентирована не на личные интересы одного человека или группы лиц, а на общее благо всего коллектива граждан. В связи с этим Аристотель рассматривает различные формы монархической власти как у греков, так и у варваров: 1) лакедемонская (пожизненная стратегия), 2) царская власть у варварских народов (тираническая по форме, но законная), 3) асимметия, широко распространенная в ранний период истории Греции, 4) монархия «героических времен», 5) особо выделяет Аристотель пятый вид царской власти: «Пятым видом царской власти будет тот, когда одно лицо является неограниченным владыкою над всем, точно так же, как полномочно управляет государственными делами [в других местах] то или иное племя или государство. Такого рода царская власть организована по образцу власти домохозяйственной: подобно тому, как власть домохозяина является своего рода царской властью над домом, так точно эта всеобъемлющая царская власть есть в сущности домоправительство над одним или несколькими государствами и племенами» — Pol. III, 10, 1285 a 29 (перевод С. А. Желебева). Аристотель несколько раз возвращается к характеристике этого вида власти, подчеркивая ее принципиальное сходство с властью домохозяина (Pol. I, 1, 1252 b 15 сл.; I, 5, 1259 a 39), в то же время отвергая в общей форме сходство власти домохозяина с монархической властью (Pol. I, 1, 1252 a 8 сл.). Он особо подчеркивает этическую сторону этого типа власти (Pol. I, 5, 1259 b 10 — ἡ δὲ τῶν τέκνων ἀρχὴ βασιλική τὸ γὰρ γυνήσαν καὶ κατὰ φιλίαν ἀρχὴν καὶ κατὰ πρᾶξιν ἐστὶν, ὅπερ ἐστὶ βασιλικῆς εἶδος ἀρχῆς — ср. Ethic. Nicom. VIII, 12, 1160 b 24).

⁵³ Там же, стр. 6, см. также M o r a u x, From Protrepicus to the Dialogue on Justice..., стр. 113.

⁵⁴ Предположения о характере содержания сочинения Аристотеля «Περὶ βίττης» см. J a e g e r, Aristotle..., стр. 259; M o r a u x, Les listes..., стр. 341.

Таким образом, Аристотель в принципе допускает существование монархической власти, направленной на благо всего коллектива граждан и в основе сходной с властью главы семьи в доме ⁵⁵. Непременным элементом функционирования этого вида власти является любовь царя к своим подданным. Ставя этот вид власти (как и другие виды монархической власти) в связь с ролью закона в государстве, Аристотель особо подчеркивает, что такая власть может быть прочной только в том случае, если функционирует в соответствии с законом. Падение ее обычно бывает следствием отступления от этой ее сущности, переориентации не на благо всех граждан, а на благо одного правителя, что, собственно, означает переход от монархии к неправильной форме — тирании.

Рассматривая эволюцию монархической власти, Стагирит особо подчеркивает, что подлинная монархия (царская власть) — это главным образом явление исторического прошлого. Такую эволюцию он ставит в связь с распространением добродетели ⁵⁶ (Pol. III, 10, 1286 b 8 сл.; ср. также V, 8, 1313 a 3 сл.).

Таким образом, царская власть, по Аристотелю, — явление главным образом исторического прошлого. Однако он не исключает возможности возникновения при некоторых определенных условиях и в настоящем ситуации, когда подлинная царская власть (не тирания) могла бы существовать: «Когда случится, что либо весь род, либо один из всех остальных будет отличаться и превосходить своей добродетелью добродетель всех остальных вместе взятых, тогда по праву этот род должен быть царским родом, а его представитель — полновластным владыкою и монархом: как уже ранее сказано, это будет согласно с тем принципом права, на который опираются обоснователи аристократической, олигархической и даже демократической форм государственного строя; ведь везде они признают право за превосходством, но за превосходством не каким бы то ни было, а таким, какое мы обрисовали выше. Такого выдающегося мужа, в самом деле, непростительно было бы убивать или изгонять или подвергать ostracismu, равно как и требовать с его стороны хотя бы частичного подчинения: ведь части несвойственно быть выше целого, а таким целым и является в нашем случае лицо, имеющее такого рода превосходство. Таким образом, остается одно: повиноваться такому человеку и признавать его абсолютно полновластным владыкою, без каких-либо ограничений» — Pol. III, 11, 1288 a 15 сл. (перевод С. А. Жебелева).

Как уже отмечалось выше, постановка в связь принципа подлинной царской власти с превосходством в добродетели делает этот вывод Аристотеля логическим завершением его концепции ⁵⁷, а не случайным замечанием, обусловленным только конъюнктурными соображениями и не вытекающим из его теории развития государственности, как это иногда считается.

Хотя до сего времени встречаются исследования, авторы которых упорно отрицают эволюцию политических взглядов Аристотеля и утверждают, что он совершенно не учитывал тех грандиозных изменений, которые происходили на его глазах благодаря завоеваниям Александра Македонско-

⁵⁵ См. также Eth. Eud. II, 9, 1241 b 29—30, относительно этих идей в утраченном сочинении «О справедливости» см. М о г а ц х, А la recherche..., стр. 28—30.

⁵⁶ См. Д о в а т у р, Политика и политик..., стр. 22.

⁵⁷ В этом убеждает также и то, что Аристотель несколько раз возвращается к этой мысли. См., например, Pol. III, 8, 1284 a 3 сл.; IV, 2, 1289 a 26 сл.; Ethic. Nicom. V, 10, 1134 a 26.

го и рождению новой политической действительности⁵⁸, все же есть основания сомневаться в справедливости подобного взгляда⁵⁹.

Изучение исследовательского метода Аристотеля показывает, сколько большое место в нем занимает наблюдение живых фактов жизни. Это верно не только в применении к биологическим работам Аристотеля, но и к его общественно-политическим работам⁶⁰. Наблюдения над теорией эволюции Аристотеля позволили выделить в качестве одной из основных черт ее «биологичность»⁶¹. Эта теория исходит из аналогии общественных организмов с биологическими: они развиваются из сравнительно простых форм, постепенно достигая высшего совершенства, после чего начинается период упадка, завершающийся гибелью⁶². На смену этим организациям приходят новые, повторяющие тот же путь развития. Поскольку Аристотель считал полис наивысшей формой человеческих сообществ и рассматривал его эволюцию именно в этом плане, то, естественно, философ вполне мог, исходя из логики своей концепции, полагать, что за периодом зрелости полиса должен был начаться период его упадка. Это предположение находит свое подтверждение в том, что Аристотель при конкретном исследовании отдельных полисов обычно отмечал, что они приобретают «дегенерированную» форму, ибо в них, как правило, уже прошел период господства средних слоев, в котором Аристотель видел наиболее полное выражение сущности полиса⁶³.

Исходя из этого, вполне можно допустить, что в конце жизни Стагирит учитывал в своих теоретических работах те огромные изменения, которые происходили на исторической сцене, приведшие к созданию универсальной монархии Александра Македонского. Аристотель в силу самой направленности своей мысли, характера своего исследовательского метода не

⁵⁸ См., например, Lloyd, Aristotle..., стр. 266—267. Однако даже Ллойд не может пройти мимо известного места в «Политике» (1327b 31 сл.), где говорится о том, что греки могли бы править миром, если бы они были объединены политически или имели бы «единую конституцию» (ук. соч., стр. 276). Однако Ллойд полагает, что, хотя эта идея и была привлекательна для Аристотеля, но только при том условии, чтобы ее осуществление не достигалось ценой разрушения институтов греческого город-государства. В связи с этим необходимо сказать следующее. В одной из предыдущих работ (см. Кошелев, Восстание греков..., стр. 67) мы старались показать, как глубоко указанная мысль Аристотеля связана с основными положениями его политической теории, являясь естественным выводом из них. Кроме того, как мы попытаемся показать ниже, Аристотель имел в виду именно сочетание греческого полиса и монархической власти, которое представлялось ему вполне допустимым. Если же Ллойд не может допустить такого сочетания, то это объясняется только тем, что для него (как и для большинства западных ученых) полис — это прежде всего город-государство, или, иными словами, он гипостазировал политическую самостоятельность полиса. Однако сущность полиса — не в этом (подробнее см. С. Л. Утченко, Кризис и падение Римской Республики, М., 1965, стр. 3 сл.). Греческие же мыслители, исходя из реально существующего положения, вполне допускали монархическую власть в полисе (чли над полисом).

⁵⁹ Критику взглядов исследователей, которые, исходя из того факта, что полис для Аристотеля был высшим видом политического объединения, говорят об отсталости его политического мышления, см. Доватур, Политика и политии..., стр. 14 сл.; см. также Jaeger, Aristotle..., стр. 259; L. Delattre, Les Traités de la Royauté d'Esphante, Diotogène et Sthénidas, Liège, 1942, стр. 135—136.

⁶⁰ L. Bourgey, Observation et expérience chez Aristote, P., 1955, стр. 98—100; Доватур, Политика и политии..., стр. 33 сл.

⁶¹ von Fritz, Aristotle's contribution..., стр. 121.

⁶² G. Huxley, On Aristotle's historical Methods, «Greek, Roman and Byzantine Studies», 13 (1972), № 2, стр. 157 сл.

⁶³ Например, рассмотрение истории Афин приводит его к выводу, что весь период после окончательного падения власти Ареопага — это период упадка: «Вот каким образом у Совета ареопажитов было отнято право надзора. А после этого государствен- ный строй стал все более терять свой строгий порядок не вине людей, задававшихся демагогическими целями» (Arist., Athen. pol., 26).

мог пройти мимо этого явления. Уже «Политика» демонстрирует его серьезный интерес к монархической форме правления. Ряд свидетельств показывает, что в последние годы своей жизни Аристотель работал над проблемой сочетания в единой системе монархии (в ее идеально-теоретической форме) и полиса со средней конституцией (политией), который он считал идеальной политической формой организации для греков. Во всяком случае, об этом говорят свидетельства Эратосфена и Плутарха (см. выше, стр. 24). У Плутарха (*De fort. Alex.* I, 6, 329 в) Аристотель советует Александру править τοῖς μὲν Ἑλλήσιν ἡγεμονικῶς, τοῖς δὲ βαρβάροις δεσποτικῶς χρώμενος καὶ τῶν μὲν ὡς φίλων καὶ οἰκείαν ἐπιμελόμενος, τοῖς δ' ὡς ζῴοις ἢ φυτοῖς προσερόμενος. Бесспорно, именно Аристотеля имел в виду Эратосфен (*Strab.* I, 4, 9), когда он критиковал «тех, кто делит все человечество на две группы — на греков и варваров, а также и тех, кто советовал Александру считать греков друзьями, а варваров — врагами» (ἐπὶ τέλει δὲ τοῦ ὑπομνήματος οὐκ ἐπαινέσας τοὺς δίχα διαροῦντας ἅπαν τὸ τῶν ἀνθρώπων πλῆθος εἰς τὰς Ἑλλήνας καὶ βαρβάρους καὶ τοὺς Ἀλεξανδρῶ παραינוῦντας τοῖς μὲν Ἑλλήσιν ὡς φίλοις χρῆσθαι τοῖς δὲ βαρβάροις ὡς πλεμῖος...). Бесспорно, идея о необходимости различного подхода к грекам и варварам в едином государстве Александра имеет теснейшие связи со всем кругом основных мировоззренческих представлений Аристотеля (природное различие между варварами и греками, предназначенность первых к рабству и т. д.)⁶⁴. С другой стороны, вторая часть выраженной в этих отрывках мысли — о характере власти Александра по отношению к грекам, столь же тесно связана с его идеями об истинной монархии, как они отразились в «Политике» (см. выше), а также и в других произведениях, в частности «Περὶ διτασοσύνης»⁶⁵.

Рассмотрение всего этого круга вопросов позволяет нам с достаточной долей уверенности утверждать, что взгляды на царскую власть и ее отношение к подданным-грекам, выраженные в «Письме», в принципе могут соответствовать тем взглядам, которые развивал Аристотель в последние годы своей деятельности. Эти совпадения заметны как в отдельных разделах, так и по системе их логических связей (истинная монархия и ее обусловленность наличием добродетели у правителя; антитеза «истинная монархия» — тирания; характер отношений царя с подданными, определяемый в терминах внутрисемейных связей, деление граждан на «лучших» и «худших» и т. д.).

Можно проводить сопоставление взглядов, выраженных в «Письме», и взглядов Аристотеля еще по многим, более частным пунктам. Однако уже имеющийся материал позволяет сделать некоторые выводы:

1. С точки зрения содержания. «Письмо», безусловно, в некоторых отношениях очень близко по своему идейному содержанию к подлинным произведениям Аристотеля; в других отношениях идеи, выраженные в нем, могут быть идентичны или близки тем идеям, наличие которых с большей или меньшей степенью уверенности можно предполагать в некоторых позд-

⁶⁴ Г с ш е л е н к о, Восстание греков..., стр. 72. Отметим, что в «Письме», где в центре внимания стоит проблема взаимоотношений царя с греческими городами, проблема его отношений с новыми восточными подданными специально не рассматривается. Однако в одном месте, давая практические советы Александру, автор пишет о необходимости быть бдительным к местному населению, особенно к персам, постоянно ожидать с их стороны заговоров и восстаний. По мнению автора «Письма», серьезной мерой для предотвращения этой угрозы могли бы служить переселение персов (или хотя бы персидской знати) в Грецию. Таким образом, мы можем видеть следы представлений, близких Аристотелю и в этом пункте.

⁶⁵ M o r a u x, From «Protrepticus» to the «Dialogue on Justice», в сб. «Aristotle and Plato in the Mid-fourth Century...», стр. 113. Об общих вопросах использования фрагментов утраченных произведений для воссоздания взглядов Аристотеля см. P. Wilpert, The Fragments of Aristotle's Lost Writings (в том же сборнике).

них произведениях философа. Но в то же время в важных пунктах можно констатировать значительные расхождения между подлинными произведениями Стагирита и тем, что мы встречаем в «Письме». Эти расхождения имеют форму упрощения, вульгаризации мысли Аристотеля, утраты ряда важных ее нюансов, иногда именно тех, которые-то и являются знаком его оригинального творчества, выделяющим собственно аристотелевские концепции из идей, широко распространенных в Греции IV в. до н. э.

2. С точки зрения датировки. По всей видимости, «Письмо» написано позднее, чем это стремится показать его автор. Хронологические опорные пункты, а также трактовка образа Александра убеждают в том, что автор знал ряд событий, знание которых он тем не менее стремится скрыть. Это тоже заставляет усомниться в подлинности произведения, принадлежности его к сочинениям Аристотеля. В то же время историческая точность в описании ситуации не позволяет относить его ко времени, отстоящему на большой срок от описываемых событий.

3. С точки зрения литературного жанра. «Письмо», по всей видимости, построено по типу подлинных писем Аристотеля. В то же время в нем чувствуются связи с идейным содержанием «Александра», и, возможно, «О царстве».

Все это позволяет поставить вопрос о том, какие обстоятельства привели к появлению данного произведения, ибо ясно, что оно не может быть столь поздним сочинением, как это считалось со времени появления работы Б. Кайля. Мы считаем возможным высказать в форме самой осторожной гипотезы некоторые предположения по этому поводу.

Как известно, после смерти Александра антимакедонское движение охватило всю Грецию, в том числе и Афины⁶⁶. Против Аристотеля, тесные связи которого с Македонией были достаточно широко известными и достаточно одиозными в глазах некоторых группировок афинского общества, было возбуждено обвинение в нечестии, которое могло послужить основанием и для смертного приговора⁶⁷. Аристотелю пришлось покинуть Афины, а вскоре он умер.

Можно достаточно отчетливо представить, что тесная связь с Македонией в течение ряда лет ставилась в упрек умершему философу. Острая полемика вокруг личности и деятельности Александра, безусловно, могла задевать и его бывшего учителя. Отзвуки такого направления полемики дошли до нас в сообщении Эратосфена. Не только само подчинение Греции македонскому царю, его властное вмешательство во внутренние дела греческих полисов, но и судьбы греков на Востоке, инциденты при дворе Александра — все эти события широко обсуждались, служили аргументами в этой полемике⁶⁸. Бесспорно, враги Аристотеля и его школы (а они были и многочисленны, и влиятельны, достаточно вспомнить и Академию, и школу Исократа) использовали все это как аргументы в борьбе с перипатетиками. Можно полагать, что именно в таких условиях в кругу ближайших учеников Стагирита и родилась мысль ответить на эти обвинения своих идеологических противников. В философских кругах Греции уже установилась традиция защищать и восхвалять память своих учителей.

⁶⁶ О враждебном отношении важнейших философских школ эллинистической эпохи к Александру см. W. T a g n, *Alexander the Great*, II, Cambr., 1948, стр. 297.

⁶⁷ П. Моро (M o r a u x. *Les listes...*, стр. 345—346) считает, что именно в это время Аристотель попытался оправдаться перед греками, а средством для этого избрал публикацию своего «Александра...».

⁶⁸ Необходимо учитывать также и то обстоятельство, что Греция, греческие полисы играли большую роль и в борьбе диadoхов. Проблемы взаимоотношения наследников Александра с греческим полисным миром были в эти годы чрезвычайно актуальными. См., например, R. H. S i m p s o n, *Antigonos the One-Eyed and the Greeks*, «Historia», VIII (1959), III 4, стр. 385—390.

лей, достаточно вспомнить сочинения Платона и Ксенофонта о Сократе ⁶⁹. Здесь это было тем более уместно, что в античной биографической традиции об Аристотеле события, связанные с его обвинением и изгнанием, постоянно сравнивались с судьбой Сократа.

Однако в отличие от сочинений Платона и Ксенофонта эта апология получила форму «Письма» самого Аристотеля к Александру. Такой квазидокументальный характер его должен был придать ему большую достоверность в глазах читающей публики. Создатели «Письма» как бы старались показать, что Аристотель учил Александра только хорошему, и все, что было ненавистно грекам в деятельности последнего, — это результат не влияния учителя, а, напротив, уклонения от его наставлений. Эпистолярная форма была наиболее удобна для подобных целей, не только исходя из практических соображений ⁷⁰, но и вследствие того, что, согласно античным литературным теориям (Псевдо-Деметрий Фалерский, *De elocutione*, 227), «письмо должно быть самым полным выражением нравственного облика человека (το ἡθὺς), как и диалог. Ведь каждый, кто пишет письмо, дает почти что изображение своей души...». Мы уже отмечали, что произведение, столь близкое по характеру к подлинным сочинениям Аристотеля, могло выйти только из школы перипатетиков. В ней при ближайших преемниках основателя школы был жив интерес к общественно-политическим вопросам, о чем свидетельствуют работы Феофраста и Дикеарха (к сожалению, не дошедшие до нас), что также могло способствовать высокому качеству подделки ⁷¹. Известно, что школу перипатетиков отличал особый пиетет к своему основателю. Такой пиетет не только давал тот психологический настрой, который был необходим для создания подобного произведения, но (благодаря тщательному изучению и комментированию произведений Аристотеля) предоставлял для этого реальные возможности ⁷², ибо в «Письме», насколько можно судить, удачно скомпонованы подлинно аристотелевские мысли с тем, чего не писал, но мог бы написать Стагирит, и с тем, что нужно было написать, чтобы обелить его память ⁷³.

⁶⁹ Седьмое письмо Платона также является своего рода самоапологией.

⁷⁰ Об использовании подлинных и поддельных писем Аристотеля в идеологической борьбе первых лет после смерти Александра см. Тагн, *Alexandres the Great*, II, стр. 304; M. Plezia, *The Human Face of Aristotle*, «Classica et mediaevalia», XXII, fasc. 1—2, Copenhagen, 1961, стр. 20.

⁷¹ См., например, Сис., *De orat.*, I, 43: «А после этого общего натиска, начали бы против тебя отдельные тяготы все философские школы: набросилась бы на тебя Академия, заставляя тебя отрицать собственные слова; запутали бы тебя мои стоики в силки своих препирательств и вопросов; а перипатетики стали бы доказывать, что только к ним следует обращаться даже за теми подспорьями и украшениями речи, которые ты считаешь бесспорной собственностью ораторов, и стали бы показывать, что Аристотель с Феофрастом писали об этом не только лучше, но и гораздо больше...» (перевод Ф. А. Петровского).

⁷² Письма Аристотеля бережно хранились его учениками как наставительная литература, они были изданы в 306 г. до н. э. грамматиком Артемоном. См. Миллер, *Античные теории...*, стр. 5.

⁷³ Мы не можем согласиться с конечным выводом М. А. Ве, считавшего, что «Письмо» — поздняя подделка школы перипатетиков, стремившихся таким образом показать, что именно основатель их школы был создателем идеи «братства народов». Подобный вывод серьезно не обоснован. Более того, если мы взглянем на «Письмо» именно как документ политико-пропагандистской войны в Греции конца IV в. до н. э., то легко могут найти объяснение и те места этого произведения, которые заставляют М. А. Ве склоняться к предположению о поздней дате. В частности, малое внимание к вопросу о «варварах», упоминание практически одних персов очень логично объясняется при взгляде на «Письмо» как на документ внутригреческой идеологической борьбы, документ, ориентированный на греческих читателей, отвечающий одной определенной цели — обелить память Аристотеля именно перед греками, показать характер его позиции в отношениях между Александром и греками.

ARISTOTLE AND ALEXANDER

by G. A. Koshelenko

The author discusses the question as to whether or not «Aristotle's Letter to Alexander on Policy towards the Cities», known from Arabic translations, is genuine. The letter was first published in 1891 by J. Lippert. The lively discussion evoked by this discovery ended in the acceptance of B. Keil's opinion that the Arabic version was made from Greek rhetorical exercise dated approximately in the II century A. D. The Polish scholars J. Bielawski and M. Plezia recently put out a new edition of the «Letter», taking into account earlier and fuller Arabic manuscripts which had lately been discovered. In their opinion the letter is a genuine work of Aristotle. The author of the present article undertakes to show that the letter was composed by adherents of the Peripatetic school shortly after Aristotle's death with a view to defending their teacher's reputation. Several of the ideas in the letter are certainly taken from Aristotle himself.

Э. Д. Фролов

КОРИНФСКИЙ КОНГРЕСС 338/7 г. до н. э. И ОБЪЕДИНЕНИЕ ЭЛЛАДЫ

В ПОЛИТИЧЕСКОЙ истории Эллады Коринфскому конгрессу 338/7 г. до н. э., бесспорно, принадлежит видное место. Созванный македонским царем Филиппом II вскоре после решающей победы его над греками при Херонее, этот конгресс как бы подвел черту под целым периодом греческой истории, основанным на принципах полисной свободы и автономии. В решениях конгресса нашло отражение новое соотношение сил, сложившееся на Балканском полуострове. Более того, провозглашенная им программа в какой-то степени определила все развитие Греции и Македонии, Запада и Востока в ближайшие полтора десятилетия. Кажется, что решения Коринфского конгресса стали исходным пунктом в формировании новой политической системы, которую мы теперь краткости ради именуем словом «эллинизм».

Историческое значение Коринфского конгресса в той или иной степени сознавалось уже древними — непосредственными участниками и современниками и последующими писателями-историками. Их вниманию мы обязаны сравнительным обилием материалов, которыми мы теперь располагаем для реконструкции этого исторического явления. Среди этих материалов два документа служат для нас первоисточниками. Это, во-первых, надпись IG, II/III², № 236 (Syll.³, № 260; Tod, II, № 177), найденная на афинском акрополе. Она содержит текст договора о мире и союзе между греческими городами и царем Филиппом, очевидно, составленный для Афин вариант общего договора, выработанного на Коринфском конгрессе. Надпись дошла в сильно поврежденном виде; сохранившиеся части ее содержат: фрагмент *a* — заключительную часть клятвы на верность договору, фрагмент *b* — перечень общин, вступивших в союз, с указанием количества голосов, которым эти общины располагали в общесоюзном Совете.

Другой важный документ — сохранившаяся в Демосфеновском корпусе речь «О договоре с Александром» (XVII), которая, по-видимому, не принадлежит Демосфену; подлинность ее на основании особенностей языка и стиля была поставлена под сомнение еще в древности. Но если автором ее был не Демосфен, то, во всяком случае, его современник — какой-то афинский оратор (древние думали о Гипериде или Гегесиппе), который тоже, подобно Демосфену, был врагом Македонии. Речь датируется приблизительно 335 г.; ее содержание сводится к доказательству того, что Александр своими действиями в Греции нарушает договор об общем мире,